

Оглавление

Глава 1	
ВНЕЗАПНАЯ БУРЯ	3
Глава 2	
ПОТЕРЯННАЯ ЗОЛОТАЯ КОРОНА.	16
Глава 3	
РОСТОВЩИК	33
Глава 4	
СЕКРЕТЫ БОЛОТА.	52
Глава 5	
НА ГОРЕ НОКНАКАР	75
Глава 6	
ОТКРОВЕНИЯ.	96
Глава 7	
ИСЧЕЗНУВШАЯ	113
Глава 8	
ВИЗИТ К ДЖОЙСУ.	130
Глава 9	
МОИ НОВЫЕ ВЛАДЕНИЯ	141
Глава 10	
НА ПОЛЯХ УТЕСОВ	155

Глава 11	
UN MAUVAIS QUART D'HEURE	172
Глава 12	
ОХОТА НА БОЛОТЕ	188
Глава 13	
СВАТОВСТВО МЕРДОКА	207
Глава 14	
ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАРИЖ.	223
Глава 15	
НОЧНАЯ ОХОТА ЗА СОКРОВИЩЕМ	243
Глава 16	
МРАЧНОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ	259
Глава 17	
КАТАСТРОФА	278
Глава 18	
КОНЕЦ ИСТОРИИ	298

Глава 1

ВНЕЗАПНАЯ БУРЯ

Долина, что пролегла между двумя огромными серо-зелеными горами, на каменистой поверхности которых кое-где проглядывали пучки изумрудной зелени, тянулась на запад, до самого моря, и больше походила на ущелье. Здесь хватило места лишь для дороги, наполовину вырубленной в скале, рядом с которой виднелась узкая полоска темного озера непостижимой глубины, окаймленного мрачными отвесными скалами. По мере того как долина расширялась, дорога резко уходила вниз, а озеро превращалось в бурлящий, покрытый шапками пены поток, изменяющий образовавшиеся в почве углубления в небольшие заводи и крошечные озерца. Из почти первобытного запустения широких, похожих на террасы выступов время от времени возникали проблески цивилизации. Сквозь заросли деревьев проглядывали домики, неровные клочки огородов, обнесенных каменными стенами, и сложенные штабелями пласты черного торфа, предназначенного для обогрева помещений зимой. А дальше простирался океан — величественная Атлантика — с неровной береговой линией, усеянной мириадами теснящихся друг к другу каменистых

островков. Бездонная темно-синяя гладь тянулась до самого горизонта, где превращалась в еле различимую белую линию. А здесь, у берега, видневшегося сквозь разрывы скал, увенчанные белыми шапками пены волны с силой разбивались о камни или накатывали на песчаный пляж, полностью скрывая его под толщей воды.

Настоящим открытием стало для меня небо, которое почти полностью стерло из моей памяти воспоминания о красоте других небес, несмотря на то что я недавно прибыл с юга и до сих пор не отошел от волшебства итальянских ночей, когда звучащая под облаками трель соловья так тесно переплеталась с завораживающей синевой, что звук и цвет словно становились различными проявлениями одного общего чувства.

Вся его западная часть представляла собой великолепное смешение цветов: лилового, зеленовато-желтого и золотистого. Огромные грозовые тучи росли и теснились друг к другу, обременяя небеса непосильной ношей. Темно-фиолетовые облака, почти черные к центру, в золотистом обрамлении соседствовали со своими перистыми сородичами, бледно-желтый оттенок которых постепенно сменялся шафрановым и огненно-алым, словно они ловили отблески приближающегося заката и окрашивали его свечением небо на востоке.

Еще ни разу в жизни я не видел ничего столь же прекрасного. Я настолько привык к спокойной пасторальной красоте сельской местности на юге Англии, где располагалось окруженное лесом поместье моей двоюродной бабушки и куда я наезжал время от времени, что открывшееся взору зрелище тотчас же завладело моими мыслями и воображением. Ведь даже

во время недавно завершившегося полугодового путешествия по Европе мне не доводилось видеть ничего подобного.

Земля, вода и воздух являли собой торжество природы, воспевая ее необузданное величие и красоту. Воздух был совершенно недвижим, и в нем чувствовалось нечто зловещее. Вселявшую ощущение гнетущего одиночества тишину нарушал лишь грохот далекого прибоя, когда громадные волны великой Атлантики разбивались о прибрежные скалы, до отказа заполняя водой образовавшиеся в них пустоты.

Даже мой возница Энди умолк, с благоговением вслушиваясь в эти звуки. До сих пор на протяжении почти сорока миль пути он говорил не переставая: делился собственным опытом, излагал взгляды на жизнь и высказывал мнение по тому или иному вопросу, в своей бесхитростной манере таким образом знакомя меня со здешними местами и населением. Его рассказ изобиловал именами, историями жизни и любви местных жителей с их страхами и надеждами. Словом, старался посвятить меня во все мелочи и подробности, из которых состоит повседневная жизнь простых селян.

Ни один цирюльник — ведь представителям этого ремесла молва зачастую приписывает склонность к чрезмерной болтливости — не смог бы потягаться в словоохотливости с ирландским кучером, которого Господь наградил даром речи. Его способностям поистине не было предела, ибо любое, даже малейшее изменение ландшафта тотчас же подкидывало ему новую тему для обсуждения и открывало простор для пространных рассуждений.

Меня несказанно порадовало, что возница наконец-то умолк, поскольку хотелось не только упивать-

ся открывшейся столь новой и величественной красотой, но и в полной мере понять ту глубокую мысль, что она пробудила в моей душе. Возможно, дело было в красоте и величии пейзажа, а может, виной всему стал гром, раскаты которого нарушили тишину того июльского вечера, но я испытывал какое-то странное восторженное возбуждение и в то же время был поражен внезапно охватившим меня новым ощущением реальности происходящего. Мне даже показалось, будто посредством этой долины с грохочущей в отдалении могучей Атлантикой и громогрящими над головой грозowymi тучами я оказался в новом, гораздо более реальном мире.

В последние несколько дней я словно пробудился после долгого сна. Зарубежное турне постепенно рассеяло мои прежние вялые идеи и в какой-то степени помогло побороть те негативные силы, что управляли доселе моей жизнью. И вот теперь этот блистательный всплеск необузданной красоты, это величие природы во всей его полноте окончательно развеяли остатки сна, и я почувствовал себя так, словно впервые взглянул широко раскрытыми глазами на истинную красоту реального мира.

До сих пор моя жизнь текла по инерции, и я во многих отношениях был моложе своих сверстников и совершенно не разбирался в реалиях окружающего мира. Я лишь недавно вырос из детских штанишек, но перенес во взрослую жизнь юношеские взгляды и убеждения, и поэтому чувствовал себя не слишком уютно в своем новом положении.

Впервые в жизни у меня выдались каникулы — настоящие каникулы в понимании того, кто волен по собственному разумению выбирать себе развлечения.

Воспитывался я в чрезвычайно спокойной обстановке в доме старого священника и его жены на запа-

де Англии. У меня почти не было приятелей, если не считать другого ученика, всегда только одного. Меня вообще окружало очень мало людей. Судьба уготовила мне участь подопечного двоюродной бабушки — богатой, эксцентричной и весьма несговорчивой особы. Когда мои родители пропали в море, оставив меня, своего единственного ребенка, без средств к существованию, бабушка вызвалась оплатить мое обучение и обеспечить меня профессией, если я проявлю к таковой достаточные способности. Родственники прекратили с моим отцом всякое общение из-за его неудачной женитьбы: сочли его избранницу ему не ровней, и, как я слышал, молодой семье пришлось несладко. Я был совсем крохой, когда они сгинули в тумане где-то в Ла-Манше, и пустота, образовавшаяся в моей душе после их утраты, сделала меня скучным и нелюдимым. Поскольку я не доставлял хлопот и не выказывал недовольства своим положением, двоюродная бабушка считала, что живется мне очень даже неплохо.

Шли годы, поддерживать статус ученика становилось все сложнее, и старого священника стали все чаще называть моим опекуном, а не учителем. Вот так и случилось, что годы, которые молодые люди более высокого положения проводят в колледже, я прожил рядом с ним. Формальная смена статуса почти ничего не изменила в моей жизни, разве что со временем добавилось обучение верховой езде и стрельбе, а также основам знаний, необходимых сельскому сквайру. Осмелюсь предположить, что у моего наставника имелась некая договоренность с бабушкой, но он никогда не давал ни малейшего намека на ее чувства ко мне. Каждый год часть каникул я проводил в ее чудесном загородном поместье. Пожилая

родственница неизменно демонстрировала суровую непреклонность и безупречность манер, в то время как слуги относились ко мне с любовью и уважением. У бабушки частенько гостили мои многочисленные кузены и кузины, но ни один из них не испытывал ко мне сердечной привязанности. Возможно, виной всему была моя застенчивость, но в их присутствии я неизменно чувствовал себя чужаком.

Теперь-то я понимаю, что причиной такого отношения ко мне была их подозрительность, поскольку на смертном одре старая леди, столь сурово обходившаяся со мной на протяжении всей моей жизни, призвала меня к себе и, крепко сжав мою руку, с трудом произнесла в перерывах между натужными вздохами: «Артур, надеюсь, я не совершила ошибки, своим воспитанием показав тебе мир со всех сторон. Я знаю, мой дорогой мальчик, что твоя юность не была счастливой, но это оттого, что я всего лишь желала тебе благополучной и счастливой зрелости, хотя любила твоего отца как собственного сына, но, к несчастью, оттолкнула от себя и слишком поздно осознала свою ошибку».

Больше она не сказала ни слова: лишь закрыла глаза, но руку мою не выпускала. Я не отнимал ее из страха потревожить бабушку, но некоторое время спустя ее пальцы сами собой расслабились, и я понял, что она отошла в мир иной.

Прежде я никогда не видал покойников, и уж точно никто не умирал у меня на руках, посему данное событие произвело на меня неизгладимое впечатление. Но сознание юных обладает завидной гибкостью, к тому же с почившей дамой нас связывали не самые сердечные отношения.

Когда огласили завещание, выяснилось, что я стал наследником всего ее состояния, что возводило меня

в ранг одного из самых богатых людей графства. Свое новое положение в силу природной застенчивости я принял не сразу, поэтому решил провести несколько месяцев в путешествии по Европе. По возвращении из турне, продлившегося шесть месяцев, я с радостью принял радушное приглашение приобретенных в путешествии друзей посетить их поместье в графстве Клэр.

Поскольку я мог делать все, что заблагорассудится, мне в голову пришла идея провести пару недель в путешествии по западным графствам. По дороге в Клэр я намеревался поближе познакомиться с природой и обычаями Ирландии.

К тому времени я уже начал понимать, что жизнь полна удовольствий. С каждым днем мир открывал мне что-то новое и увлекательное, и можно было сказать, что план моей двоюродной бабушки все же увенчался успехом.

Меня вдруг охватило ощущение назревающих внутри меня перемен. Осознание сего факта застигло меня совершенно случайно, с внезапностью первого луча рассвета, прорезающего утренний туман. Все это было для меня столь ново и примечательно, что хотелось в полной мере запечатлеть в памяти эти моменты, и я с жадностью впитывал малейшие детали окружавшего меня пейзажа, впервые подарившего столько открытий. Центральным образом стал купающийся в лучах солнца выступ, видневшийся справа от нас, и все мое внимание сосредоточилось именно на нем, когда меня вывело из размышлений замечание кучера, обращенное не конкретно ко мне, а словно бы куда-то во вселенную:

- Ух ты! Того и гляди накроет.
- Что накроет? — не понял я.

— Так шторм же! Вона, видали, как облака гро-
моздятся? Летят, аки утки заполошные.

Но я почти не слышал его слов, поскольку все мое внимание было поглощено разворачивавшейся перед моими глазами картиной. Мы быстро спускались в долину, и по мере приближения выступ принимал все более четкие очертания и теперь напоминал гору с округлой вершиной благородных пропорций.

— Скажи-ка, Энди, — обратился я к кучеру, — как называется вон та гора?

— Тама? Энто место кличут «Шлинанаяэр».

— Значит, гора называется «Шлинанаяэр»?

— Да не! Гору кличут «Нокколтекпор». Энто по-ирландски.

— И что это означает?

— Тю! Энто значит «Гора потерянной золотой короны».

— А тогда что такое «Шлинанаяэр»?

— Хм, энто что-то навроде бреши позади горы.

— Но что означает название? Оно ведь ирландское, верно?

— Правда ваша. По-ирландски это, стало быть, «Змеиный перевал».

— Вот как! А не знаешь ли ты, откуда пошло такое название?

— Скажу я вам, что энто место не зря так прозвали. Вот погодьте. Дайте тока добраться до Карнаклифа да встретить тама Джерри Сканлана или Барта Мойнахана. Энти двое знают уйму тутошних легенд да былей. А уж как начнут сказывать, так тока уши подставляй. Ух ты! Вот и началось!

И он оказался прав. Гроза накрыла долину, царившая вокруг тишина сменилась оглушительным ревом, а небо стало почти черным от туч. Внезапно дождь ли-

ванул с такой силой, словно где-то сверху прорвало огромную водосточную трубу, и я мгновенно промок насквозь, не спас даже макинтош. Наша кобыла сначала испугалась, но Энди удержал ее крепкой рукой и успокоил ласковым словом, и после первого удара грозы она потрусила так же уверенно и быстро, как и прежде, лишь слегка вздрагивая от раскатов грома и вспышек молний.

Разгул стихии предстал перед моими глазами во всем своем богатстве и великолепии. Молнии растекались по небу переливающимися всполохами, прорезая тьму и расцветивая причудливыми пятнами света утопавшие в тени горы. Раскаты грома трещали, рокотали над нашими головами с ошеломляющей яростью, и сопровождавшее их эхо принималось скакать по склонам, отражаясь от каменистой поверхности, постепенно затихая вдали или растворяясь в царившем вокруг грохоте.

Мы неслись вперед сквозь непогоду, а шторм и не думал утихать. Энди был слишком поглощен своим делом, чтобы разговаривать, в то время как я пытался удержаться в угрожающе раскачивавшемся экипаже, не потерять шляпу и хоть немного защититься от проливного дождя. Возницу же, похоже, совершенно не волновал дискомфорт: он лишь поднял воротник куртки и вскоре блестел от воды так же, как мой водонепроницаемый макинтош. Словом, выглядели мы совершенно одинаково с той лишь разницей, что я, как мог, пытался укрыться от хлестких водяных струй, в то время как возница, явно ко всему привыкший, совершенно не обращал на них внимания и не проявлял ни малейшего беспокойства.

Спустя некоторое время, когда мы наконец выехали на относительно прямую и ровную дорогу, он повернулся ко мне и произнес:

— Негоже нам ехать так до самого Карнаклифа. Одному Господу ведомо, сколь еще будет бушевать непогода. Уж больно хорошо знаю я энти горы с их северными ветрами. Мож, будет лучше, ежели мы поищем какой кров?

— Разумеется! Не мешкай же! Куда направимся?

— Есть тут неподалеку одно местечко — питейное заведение вдовушки Келлиган на пересечении дорог в Гленнашауглин. Вполне себе сносное. Н... но, старушка! Вези-ка нас поживей к вдовушке Келлиган!

Кобыла, словно понимала своего хозяина и разделяла его желания, с удвоенной силой припустила по проселочной дороге. Спустя несколько минут мы достигли перекрестка и так называемого питейного заведения вдовы Келлиган — выкрашенного белой краской приземистого строения под соломенной крышей, примостившегося в глубокой низине меж двух холмов, возвышавшихся к юго-западу от перекрестка. Спрыгнув с козел, Энди поспешил к дому, и, когда я появился в дверях, объявил:

— У меня тут благородный жинтман, вдовушка. Надобно оказать ему теплый прием.

Не успел я закрыть за собой дверь, как Энди принялся распрягать лошадь, чтобы отвести ее в некое подобие конюшни, пристроенной к дому со стороны высокого холма. Внезапно разразившаяся буря собрала под гостеприимным кровом вдовы Келлиган немало путников. В камине жарко горел торф, а вокруг сидели, стояли и лежали постояльцы, не меньше дюжины, от мокрой одежды которых исходил пар. Помещение оказалось довольно просторным, так что всем присутствующим нашлось местечко возле камина. Потолок с торчащими тут и там пучками соломы почернел от копоти, а на стропилах

под крышей устроились петухи и куры. На крюке над огнем висел огромный котел, и в воздухе витали острые и невероятно аппетитные ароматы жареной сельди и пунша.

Едва я появился на пороге, все тотчас же ринулись навстречу с возгласами приветствия, и для меня тут же нашлось самое удобное место возле очага, что пришлось весьма кстати. Я чувствовал себя крайне неловко, поэтому, как мог, пытался выразить свою благодарность за кров и радушный прием. Как раз в этот момент дверь черного хода отворилась, и на пороге появился Энди, провозгласив:

— Храни вас всех Господь!

Судя по гулу, которым его встретили, он был здесь весьма популярной личностью. Энди тотчас же устроился возле очага с большой кружкой пунша — точно такой же, что вручили и мне, — и сделал большой жадный глоток. Я последовал его примеру и получил от этого не меньшее удовольствие, чем мой кучер, который уже всю балагурил в своей привычной манере с хозяйкой:

— Да мы, как я погляжу, как раз вовремя. Готова ли твоя селедка? Да, поди, еще и с картоплей, коли нух меня не подводит. Вот уж свезло, так свезло. Наедемся картопли, а будто селедки отведали.

— Почему это? — не понял я.

— Уж больно много тут народу, на всех селедки не хватит, вот вдовушка и обложила рыбу картоплей, чтоб духом напитать.

Начались приготовления к ужину. Большую корзину — вместимостью никак не меньше двухсот фунтов — перевернули вверх дном, водрузили на нее снятый с огня котел с картошкой, по обе стороны от котла насыпали по горсти крупной соли, и каждый